

© 2001 г. И.Г. МЕЛИКИШВИЛИ

ЛИНЕЙНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

(К ЦЕЛОСТНОЙ И ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА)

Для языкового сообщества
языковое "для чего" гораздо
более значительно, чем "почему"

Р. Якобсон

Положение о линейном характере языкового знака принадлежит Ф. де Соссюру. В его "Курсе" читаем: "Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение – это линия... Это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы... От него зависит весь механизм языка... Означающие, воспринимаемые на слух, располагают лишь линией времени; их элементы следуют один за другим, образуя цепь [Соссюр 1977: 103]. А в записях 1900 года он пишет: "Языковая сема является частью общей семьи *однонаправленных* сем, в которую по необходимости входит всякая сема, используемая в акустической связи... Здесь важна не акустическая связь, а *однонаправленность*" [Соссюр 1990: 154 (3318.3) – тут и далее в круглых скобках указан номер афоризма]. Речь, вне сомнения, реализуется во времени, но можно ли считать время фундаментальной характеристикой и языка? При этом, *однонаправленно* ли речевое время, как это представлялось Соссюру? Если же нет, то какое временное направление превалирует в речи – от прошедшего к последующему или от последующего к предшествующему?

Понятие хронологического времени – временной отрезок между двумя точками – которое характеризуется как одномерное и *однонаправленное*, не является единственно возможным осмыслением времени. Отношение человека ко времени, которое в языке отражается категориями настоящего, прошедшего и будущего, независимо от хронологического времени. Так например, 1921 год, или 12 часов дня в разных случаях могут быть как настоящим, так и прошедшим и будущим. Мартин Хайдеггер говорит о трехмерном времени, а из взаимосвязи этих трех измерений (осуществленности, настоящего и наступающего) возникает, по его мнению, четвертое измерение; так что, время для него скорее четырехмерно [Хайдеггер 1993: 400]. Морфологическая категория времени явно не одномерна и *однонаправленна*. Точкой отсчета, немаркированной категорией, как по отношению к прошедшему, так и к будущему, предстает настоящее время – *одновременность* события и говорения [Jakobson 1966: 26]. Семантика как будущего, так и прошедшего определяется по отношению к настоящему, точнее, к *одновременности*. События предшествующие и последующие могут определяться и по отношению к прошедшему времени: например *Он сказал, что не видел его* (предшествующее); и *Он сказал, что не увидит его* (будущее). Ср. результативные времена в прошедшем типа: *Ich hatte gemacht* "у меня было сделано" и т.п. Итак,

интерпретация лингвистического времени как неоднородного явления более адекватно и имеет гораздо большую объяснительную силу. Такой характер человеческого времени отражается не только в морфологии, но также и в фонологии. Так, например, правила сочетаемости шумных и сонорных согласных в начале и конце слога отражают не однонаправленную линейность последовательности, а внутреннюю иерархию структуры. Эти правила определяются по отношению к центру слога: перед гласными предпочтительны сочетания типа шумный – сонорный, а после гласного – сочетания типа сонорный – шумный.

Положение о линейном характере языкового знака не является для Соссюра случайным или эпизодическим. Как видно из записок Соссюра, опубликованных Р. Энгером (материалы для его будущей книги, которые относятся примерно к 1900 году, известные под названием афоризмов "ИТЕМ"), этот вопрос был предметом его особого внимания [Соссюр 1990: 153–156]; ниже при цитации будем приводить только номера афоризмов. В этих афористических положениях он ясно и последовательно отвергает возможность присвоения языку признаков организма. Учитывая противоположные аргументы, он пишет: "Отметим тот факт, что слово не имеет слишком большую длину, поэтому оно может быть воспринято комплексно, в едином акте восприятия. Этот факт, наряду с временной членимостью, обуславливает взгляд на слово как на псевдоорганизм, что является причиной множества неверных представлений" (3317.1). Соссюр подчеркивает однонаправленность слова – членение, по его мнению, всегда происходит в одном направлении и осуществляется одинаково: "Противопоставление двух сем ... осуществляется с помощью отрезков, которые следуют в одном направлении и сменяют друг друга по одному" (3317.2). При этом, Соссюр указывает, что это суть характеристики именно языкового знака, так как легко представить себе сотни разных систем, в которых ни то, ни другое условие не будет соблюдаться. "Чем более мы изучаем, – пишет он, – тем больше убеждаемся, что именно членимость звуковой цепи на временные отрезки (простая, однонаправленная членимость) одновременно создает отличительные признаки и порождает иллюзии, одна из которых заключается в том, что языковые единицы являются организованным целым, в то время как они просто представляют собой целое, членимое во времени и параллельно функциям, которые можно приписать каждому временному отрезку" (3317.3).

По мнению Соссюра, допущение существования и одновременных компонентов языкового знака является примером неправильного рассуждения. Знаменательно, что принцип членимости фонем на одновременные различительные признаки, на котором Р. Якобсон основывал отрицание линейного характера языкового знака, не остается незамеченным для Соссюра – он видит возможность такого осмысления – но в принципе отвергает такой подход. "Может быть, – говорит он, – стоит сказать о том, что в фонетической транскрипции диакритические знаки, например *o*, не нарушают принцип однонаправленности, потому что здесь целое рассматривается как одна сема (нет никаких частей)" (3318.2). Языковой знак он относит к общей семье однонаправленных сем, в которую по необходимости входит всякая сема, используемая в акустической связи (3318.3). Для того, чтобы понятие однонаправленной семы стало еще более ясным, он приводит пример разнонаправленной семы. В качестве таковой он указывает на "аллегорическую картину или любое полотно в той мере, в какой изображенные предметы предназначены для обозначения чего-то. Нельзя сказать, что вот эта картина начинается слева и кончается справа" (3318.5).

Из этого следует, что два основных принципа Соссюра – произвольность и линейность языкового знака – находятся во внутренней взаимосвязи. Для него аллегорические, т.е. мотивированные знаки могут иметь нелинейный характер. Для Соссюра произвольность и линейность, с одной стороны, и мотивированность и нелинейность, с другой, составляют два ряда внутренне взаимосвязанных понятий, которые соотносятся с принципиально разными объектами.

Из философских течений Соссюру наиболее близок позитивизм [Соссюр 1990: 8]. Язык же ему представлялся социальным явлением, характер которого обусловлен

случайными причинами, компромиссом, установлением, соглашением [Соссюр 1990: 89, 92, 93]. Он часто цитировал положение американского лингвиста У.Д. Уитни: "Язык есть просто человеческое установление" (*Institution humaine*) [Соссюр 1990: 93]. Соссюр одним из первых увидел значение понятия системы для языка, однако он не смог увидеть сложную внутреннюю структуру языковых единиц, возможность одновременного соединения компонентов. сложное иерархическое строение языковых структур на всех его уровнях. Р. Якобсон указывал, что Соссюр, "первый человек, полностью осознавший огромное значение понятия системы для лингвистики, не сумел, однако, увидеть строго обязательного порядка в такой отчетливо иерархической системе, как грамматическая система падежей. Даже такой бесспорно исходный падеж, как именительный, нулевой падеж, занимает, по мнению Соссюра, произвольное место в падежной системе" [Якобсон 1963: 98]. Соссюр резко и последовательно отвергает представление о языке как об организме, будь то в понимании Шлейхера или Гумбольдта [Соссюр 1990: 99, 155–156]. Интересно, что в нем вызывает резко отрицательное отношение ("это ничего не говорит нашему уму" [там же: 157]) сравнение языка не только с организмом, но и с химическими соединениями и с механизмами, так как "и они имеют свою анатомию и физиологию", т.е. внутреннюю структуру. "В слове нет никакой структуры". – декларирует он (3319.2). Итак, Соссюр, который внес понятие системы в языкознание, всячески отвергал какое бы то ни было структурное осмысление языковых единиц. Если можно так выразиться, "системист" Соссюр никогда не был "структуралистом" и такие его положения, как принципы произвольности и линейности языкового знака, вытекают из его позитивистской и атомистической ориентации.

В концепции Р. Якобсона, выдающегося теоретика Пражской лингвистической школы, принцип линейности языкового знака уже не находит места. Нелинейный характер языкового знака Р. Якобсон основывал на анализе фонем в качестве одновременных комбинаций различительных признаков и на иерархической структуре языка на всех его уровнях, отражающейся в принципе непосредственных составляющих [Якобсон 1985: 87; 1971b, II: 718].

Лингвистическая концепция Пражской школы находится в соответствии с научной парадигмой человековедческих наук (биологии, психологии, социологии...), разработанной в начале нашего века. Суть этой концепции состоит в целостном и телеологическом подходе к объекту изучения. В пределах этого подхода сложились такие термины, как "целостное мышление", "холизм", "гештальт", "целостная каузальность", "интенционализм". Макс Дриш, основатель неовитализма, опираясь на открытые им эмбриональные регуляции (развитие целого организма из части его зародыша), сформулировал закон, согласно которому ход развития каждой части зародыша определяется ее положением в целом организме, а также витальным фактором энтелихи (понятие, созданное Аристотелем, связанное с его телеологическим учением – *ἐντελής* "законченный, совершенный" и *ἔχω* "имею"). М. Дриш вводит такое понятие, как "целостную каузальность" [Driesch 1909]. Его идеи легли в основу таких течений, как органицизм и холизм (см. [Smuts 1926]). Близкие к этому направлению идеи лежат в основе гештальтпсихологии М. Вертхаймера и В. Кёлера, целостной интерпретации функций головного мозга в работах К. Гольдштайна, "интенционализма" Эдмунда Гуссерля... Феномены, выявленные Х. Дришем – способность регуляции при нарушении целостности, самоусложнение пространственной организации, достижение одной конечной цели разными путями – в современной научной парадигме соотносятся с принципом самоорганизации сложных систем. Понятие цели является определяющим для таких кибернетических понятий, как саморегулирующие системы, принципы обратной связи, эквифинальные системы (см. например [Rosenbluth, Wiener, Bigelow 1966]). Берут начало эти идеи в учении Аристотеля. Центральное место занимали принципы целостности и целенаправленности в системах Лейбница, Гете, Шлегеля, Гегеля.

В лингвистическую теорию принцип целенаправленности (телеологии) был внесен

Пражской школой. Уже ее Тезисы содержат программное положение: "Язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели" [Тезисы 1967], а это определяет функциональный подход к языковым явлениям. С принципом "целостной причинности" Х. Дриша соотносится положение Р. Якобсона: "Фонемные изменения должны анализироваться в связи с той фонемной системой, которая терпит мутацию. Нарушение равновесия в лингвистической системе вызывает цикл звуковых изменений, нацеленных на стабилизацию системы" [Jakobson 1962a: 2].

Для Пражской школы была характерна открытость современным научным и культурным открытиям. Р. Якобсон часто указывал на это: "Когда мы смотрим на период между двумя войнами, видим, что то, что считается специфическим вкладом Пражской школы в развитие современной лингвистики, оказывается общим знаменателем нескольких параллельных течений научной жизни европейских стран того времени. Типичной особенностью пражской школы являлась ее открытость ко всем культурным импульсам запада и востока" [Jakobson 1971a: 522–523].

В ретроспективном обзоре своей деятельности Р. Якобсон говорит о философских основах своего научного мировоззрения, о влиянии на формирование его идей феноменологии и диалектики Гегеля и "Феноменологии языка" Гуссерля [Jakobson 1971b: 713–714]. Он присоединяется к цитации Э. Бенвениста Гегеля: "Истинным является целое", выражающей суть целостного подхода. Э. Бенвенист в 1935 г. в предисловии своего "Индоевропейского именного словообразования" пишет: «Мы пытаемся дать целостное представление о предмете; Только достигнув целостности, мы считали бы наше предприятие оправданным, если принять принцип Гегеля: "Истинным является целое"» [Бенвенист 1955: 26].

В ретроспекции, опубликованной в первом томе его Избранных трудов, Р. Якобсон говорит о родстве пражского целостного мышления с идеями, возникшими в области искусства и упоминает Пикассо, Джойса, Брака, Стравинского, Хлебникова ... Он цитирует Стравинского: "Поиски единого во множестве", "одно предшествует множеству" [Jakobson 1962b: 631–632]. Р. Якобсон отмечает также работы Масарика 80-х годов, чешских и словацких гегельянцев [Jakobson 1971b: 547]. Для самого Р. Якобсона структурный подход с необходимостью подразумевает целостное мышление. Он говорит о "структурной целостности в противоположность механической аггломерации", о "внутренней упорядоченности языковой системы" и "о строго реляционной и иерархической природе его составляющих частей" [Jakobson 1971b: 711–713]. Целостность, целенаправленность, функционализм, система, структура, внутреннее иерархическое строение (принцип непосредственных составляющих) представляются нам компонентами парадигмы структурной лингвистики, в которой, как неоднократно указывал Р. Якобсон, нет места для принципов линейности и произвольности языкового знака.

Ниже на основе фонологических закономерностей и фонетических изменений мы попытаемся показать неадекватность положения об однонаправленной линейности языкового знака. Будут представлены два ряда закономерностей. В первом, на наш взгляд, совершенно не действует принцип линейности, а во втором взаимодействие компонентов таково, что поддается телеологической, а не причинно-следственной интерпретации. Целенаправленность же опять-таки является проявлением целостности.

Законы, определяющие структуру таких языковых единиц, как корень и основа, часто имеют характер, свидетельствующий о том, что эти структуры представляют собой единство составляющих элементов, а не цепочки следующих друг за другом элементов.

Очень часто эти законы соотносятся с целыми структурами и не подразумевают линейных отношений. Если придать им линейный характер, т.е. сформулировать в терминах предшествующего и последующего, или последующего и предшествующего, они всегда подразумевают дополнение: "и наоборот"; – т.е. их можно сформулировать как в одном, так и в другом направлении. Более адекватным же является их нелинейная формулировка.

Правила, определяющие структуру общеиндоевропейского и общекартвельского корня, имеют именно такой нелинейный характер.

Правила, определяющие структуру общеиндоевропейского корня, сформулированные А. Мейе, при реинтерпретации звонкой серии в качестве глоттализированной [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 19], принимают следующий вид:

1. Нет корней, которые бы начинались и оканчивались на глоттализированную смычную.

2. Корень, начинающийся на смычную звонкую, не оканчивается на глухую и наоборот [Ср. Мейе 1938: 191]. Можно увидеть, что эти правила соотносятся с целыми структурами и не имеют линейного характера.

Таковы и правила, определяющие структуру общекартвельского корня:

1. В пределах одной корневой морфемы допустим только один депессивный комплекс (не имеет значения, находится он в начале или в конце корневой морфемы – ср. **sxem-* и **rax-*).

2. В пределах одной корневой морфемы допустим только один лабиальный комплекс типа (w): ср. **cwel-* и **leyw* – [Гамкрелидзе, Мачавариани 1965: 305–306].

И эти правила соотносятся с целостной структурой и определяют одновременно как форму анлаута, так и форму ауслаута. Правило сонорного равновесия, сформулированное нами для общекартвельского корня и архаических основ, также соотносится с целостной структурой. Оно двухмерно и определяется на основе соотношения по степени сонорности – а) признаков ларингальной артикуляции (с иерархией: звонкий – глухой аспирированный – глоттализированный) и б) места артикуляции (с иерархией: велярный – альвеолярный – дентальный – лабиальный). "Правило сонорного равновесия" следующим образом регулирует взаимоотношение этих признаков.

3. Если анлаутный смычный более сонорен по признаку ларингальной артикуляции, то конечный будет более сонорным по признаку места артикуляции и наоборот: если анлаут более сонорен по признаку места артикуляции, то ауслаут будет более сонорным по признаку ларингальной артикуляции. Следовательно, допустимы конгруентные структуры типа **b – k*, **b – k*, **p – k* и **k – b*, **k – b*, **k – p*; и недопустимы структуры, в которых сонорность к концу корня уменьшается по обоим параметрам. Это правило имеет параллель и в структуре общеиндоевропейского корня [Меликишвили 1980]. Итак, структура корня в общекартвельском и общеиндоевропейском такова, что в структуре типа *CVC* распределение дифференциальных признаков между анлаутным и ауслаутным смычным происходит на основе единого правила.

Правило, определяющее структуру индоевропейских основ, сформулированное Э. Бенвенистом, также имеет нелинейный характер. Знаменательно, что Э. Бенвенист и не придавал ему линейного характера. Он сформулировал его следующим образом:

"От корня образуются с помощью суффикса две чередующиеся основы: I – ударяемый корень с полной огласовкой + суффикс в нулевой ступени; II – корень в нулевой ступени + ударяемый суффикс с полной огласовкой" [Бенвенист 1955: 201].

Это правило одновременно определяет форму как корня, так и суффикса, и поэтому является правилом построения всей структуры. Оно находит параллель в общекартвельском [Гамкрелидзе, Мачавариани 1965].

В этом контексте представляют интерес эксперименты по восприятию речи, проведенные З. Джапаридзе, которые свидетельствуют о том, что первичными единицами восприятия являются не отдельные фонемы, но целостные структуры: последовательности фонем, слоги, слова: "При восприятии трехзначных бессмысленных последовательностей и их отрезков в большинстве случаев для узнавания отдельных знаков требуется больше времени, чем для узнавания их последовательностей: не засвидетельствован ни один случай, когда бы время распознавания первого звука бессмысленного комплекса (слога) было меньшим, чем при распознавании других отрезков – т.е. ни разу не возникла ситуация, которая ожидалась бы, если бы первичными единицами восприятия были фонемы. Наименьшее время реакции отмечалось при

распознавании всего слога, или при распознавании первых двух согласных. Т.е. эти результаты свидетельствуют, что первичными единицами восприятия являются не фонемы, а последовательности фонем" [Джапаридзе 1975: 210–211].

Как видим, значительная часть фонологических закономерностей имеет определенно нелинейный характер, они соотносятся с целостными структурами. Именно в целостных структурах, на основе единых закономерностей происходит распределение дифференциальных признаков, и, соответственно, фонем и последовательностей фонем. Возможно, такого рода закономерности имеют большее распространение в фузионных языках, где большие структурные единицы (слово, основа, корень) имеют более слитный характер, чем в агглютинативных языках, где части легче поддаются вычленению и целое предстает в качестве цепи составных частей. Это является дополнительным свидетельством в пользу квалификации общекартвельского в качестве фузионного, а не агглютинативного языка, так как правила, определяющие структуру общекартвельских корней и архаических основ, имеют целостный, а не линейный характер.

В языке может актуализироваться и принцип линейности. Каково его проявление: имеет ли он однонаправленный характер, как предполагал Ф. де Соссюр?

В этой связи обратим внимание на то, что во многих языках регрессивные фонемные изменения, когда последующий элемент влияет на предшествующий, имеет гораздо большее распространение, чем прогрессивные процессы. Так, например, большая часть ассимилятивных процессов в грузинском имеет регрессивный характер: *erdguli* < *ertguli*, *mzgavsi* < *msgavsi*, *šimšili* < *simšili*, *baxši* < *baṡši* и т.п. Регрессивный характер имеют диалектные ассимилятивные изменения гласных: *meiṡana* < *moiṡana*, *geigo* < *gaigo*, *ṡuiṡo* < *ṡauṡo* и т.п. И оглушение звонких в конце слова возможно трактовать как регрессивный прогресс: ассимиляцию с последующей паузой.

В восточных диалектах грузинского языка почти не наблюдаются случаи прогрессивной ассимиляции. И в западных диалектах они чрезвычайно редки – можно указать только на один такой процесс – переход типа *kḡ* > *kṡ*, *tḡ* > *tṡ*, *kḡ* > *kṡ*, *xḡ* > *xṡ* в акцесивных негомогенных комплексах согласных.

Регрессивный характер имеет умлаут, широко распространенный как в индоевропейских, так и картвельских языках – см. нем. *Gast* ~ *Gäste*, сванское *sādil* < *sadili*.

И диссимилятивные процессы часто имеют регрессивный характер – см. например, правило диссимилятивного озвончения, выявленное Г. Ахвледиани, – *baṡara* < *paṡara*, *baṡroni* < *paṡroni*, в горских грузинских диалектах, в осетинском *biṡna* < *piṡna*, *goṡoši* < *koṡoši* [Ахвледиани 1949: 204]. И в русском языке регрессивные процессы гораздо более распространены, чем прогрессивные – см. например, *лотка* < *лодка*, *фсаду* < *в саду*, *чичас* < *сейчас* и т.п., чередование согласных, основанное на палатализации • *друк* ~ *друзья* и т.п.

В "Основах фонологии" Н.С. Трубецкого, в главе: "Типы нейтрализации смысло-различительных противоположений" представлена обширная типология фонемных изменений. Из приведенных Н.С. Трубецким примеров контекстуальных изменений большая часть имеет регрессивный характер, контекст нейтрализации определяется как п е р е д чем-то и очень редко как п о с л е чего-то. Н.С. Трубецкой приводит 24 примера контекстуальных нейтрализаций, где контекст определяется как п е р е д и б случаев, где контекст определяется как п о с л е определенного фонемного окружения [Трубецкой 1960: 258–262]. Материал Н.С. Трубецкого очень обширен и включает языки самых разных типов, поэтому это соотношение можно считать показательным. По-видимому, преобладание фонетических процессов, в которых последующий элемент воздействует на предшествующий, является чрезвычайно распространенным фактом.

На этом фоне интересное исключение составляет сингармонизм, характерный для тюркских, уральских и алтайских языков. Как вокалическая, так и консонантная форма сингармонизма имеет прогрессивный характер – огласовка или консонантизм

предшествующего корня определяет форму суффиксальных морфем. Интересно, что обычно сингармонизм не распространяется на префиксы, оставаясь строго прогрессивным процессом. Из шести примеров прогрессивной контекстуальной нейтрализации два приходятся на угро-финские языки: марийский и мордовский.

Как известно, сингармонизм характерен для агглютинативных языков. Можно поставить вопрос: не составляют ли агглютинативные языки такой тип языка, в котором прогрессивные процессы преобладают над регрессивными, в отличие от фузионных языков, в которых явно преобладают регрессивные процессы. Соотношение регрессивных и прогрессивных процессов в языках представляется нам значительным типологическим признаком, определяющим характер всего языкового строя и по-видимому сопутствующим такой фундаментальной типологической характеристике, как фузия/агглютинация.

Если же вернуться к тем очень многочисленным языкам, где регрессивные процессы преобладают над прогрессивными, то в этих языках явственно видна ориентация говорящего на будущее, адаптация начала к концу. Для говорящего слово является единством, при произнесении которого он подсознательно ориентируется на последующее. Как видим, характер фонетических процессов таков, что не позволяет принять положение Соссюра об односторонней линейности языкового знака. Лингвистическое время не одномерно, оно может иметь направление как от предшествующего к будущему, так и от будущего к предшествующему. По-видимому, целенаправленность является фундаментальной характеристикой человеческой деятельности, которая отражается и в речевом поведении человека. Интересно, что и в письменном языке можно увидеть его проявление. В грузинском слитном письме предшествующие буквы уподобляются последующим и никогда воздействие не происходит от предшествующего к последующему.

Итак, на временной оси взаимовлияние происходит чаще от п о с л е д у ю щ е м о к п р е д ш е с т в у ю щ е м у и для говорящего гораздо большее значение имеет цель, установка на будущее, чем причина, предшествующая ситуации. По удачному выражению Р. Якобсона «Wohl ist für die Sprachgemeinschaft das sprachliche "Wozu" bedeutend wichtiger, als das "Weshalb"» [Jakobson 1971c: 548]. По его мнению, "длительное пренебрежение к исследованию целевого аспекта языка – пренебрежение, которое все еще живет в некоторых академических кругах, – исторически объясняется укоренившимся страхом перед проблемами, связанными с идеей целенаправленности. Поэтому вопросы генезиса вытеснили вопросы направленности, а поиск предпосылок заменил исследование целей" [Jakobson 1971a: 523].

Представляется, что преимущественную ориентацию контекстуальных изменений на последующее, будущее можно поставить в один ряд с другими аспектами проявления целенаправленности в языке, на которые указывал Р. Якобсон: 1. Процессы, которые можно соотнести с "целостной каузальностью", когда нарушение равновесия фонемной системы вызывает цикл звуковых изменений, направленных на восстановление стабильности [Jakobson 1962a]; 2. Исследование отношений типа "средство – цель" в языке, когда особое внимание уделяется акустической стороне, в соответствии с коммуникативной функцией языка; 3. Сознательная целенаправленная деятельность носителей языка, которая проявляется в поэтической речи и в таких областях языка, как культура речи, речевая педагогика, нормирование литературного языка [Jakobson 1971b: 548–549].

В заключение можно сказать, что изучение языковых законов проявляет их целостный характер, а в языковой динамике постоянно проявляется целенаправленный, ориентированный на будущее характер речевой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахведиани Г. 1949 – Основы общей фонетики. Тбилиси, 1949.

Бенвенист Э. 1955 – Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.

- Гамкрелидзе Т., Мачавариани Г. 1965 – Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. М., 1984.
- Джапаридзе З. 1975 – Основные вопросы перцептивной фонетики. Тбилиси, 1975.
- Мейе А. 1938 – Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
- Меликишвили И. 1980 – Структура корня в общекартвельском и общеиндоевропейском // ВЯ. 1980. № 4.
- Соссюр Ф. де 1977 – Курс общей лингвистики. М., 1977.
- Соссюр Ф. де 1990 – Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
- Тезисы 1967 – Тезисы пражского лингвистического кружка, Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Трубецкой Н.С. 1960 – Основы фонологии. М., 1960.
- Хайдеггер М. 1993 – Время и бытие. М., 1993.
- Якобсон Р. 1963 – Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание / Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Якобсон Р. 1985 – Звук и значение. Избранные работы. М., 1985.
- Driesch H. 1909 – Philosophie des Organischen. Leipzig, 1909.
- Jakobson R. 1962a – The concept of the sound law and the teleological criterion // Selected Writings. V. I. 's-Gravenhage, 1962.
- Jakobson R. 1962b – Retrospect // Selected Writings. V. I. 's-Gravenhage, 1962.
- Jakobson R. 1966 – Zur Struktur des russischen Verbums. Readings in linguistics. II. 1966.
- Jakobson R. 1971a – Efforts toward a means-ends model of language in interwar continental linguistics // Selected Writings. V. II. 's-Gravenhage, 1971.
- Jakobson R. 1971b – Retrospect // Selected Writings. V. II. 's-Gravenhage, 1971.
- Jakobson R. 1971c – Die Arbeit der Sogenannter "Prager Schule" // Selected Writings. V. II. 1971.
- Roesenblueth A., Wiener N., Bigelow J. 1966 – Behavior, purpose and teleology // Purpose in nature. Englewood Cliffs, 1966.
- Smuts J. 1926 – Holism and evolution. 1926.